

The image is a movie poster for 'The Fallen Arrows'. It features a composite background. The top left shows a city skyline with a prominent skyscraper under a dramatic, cloudy sky. The top right shows a close-up of a modern skyscraper with a large, dark, spherical object attached to its side. A large red banner covers the middle section, containing the author's name and the title. The bottom section shows a night-time aerial view of a city with a large, glowing, dome-shaped structure in the background.

Виктор Диан-Кехт

Упавшие стрелы

18+

Виктор Диан-Кехт
Упавшие стрелы

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Диан-Кехт В.

Упавшие стрелы / В. Диан-Кехт — «ЛитРес: Самиздат», 2013

Книга об отношениях между людьми, о том, какие они бывают, могут быть и, наверное, должны быть. Здесь читатель увидит абсолютно разных героев, в каких-то из них узнает свои привычки и модели поведения...

© Диан-Кехт В., 2013

© ЛитРес: Самиздат, 2013

*Упавшие стрелы могут поражать самого лучника...
(Из жизненного опыта самого автора)*

Пролог.

...Еще прохладные лучи восходящего солнца коснулись ее белоснежного, прекрасного тела, прикрытого черной шелковой простыней. Она спала, безмятежно, как ребенок. В ее раскинутых беспорядочно огненного цвета волосах на черных шелковых подушках отражались скрытые мотивы кельтских узоров. Алекса была прекрасна в своей безмятежности и спокойствии, утренний свет ласкал оголенные участки тела сквозь тяжелые, белые портьеры, свет скользил по упругим ногам, округлым ягодицам, пышной, высокой и манящей груди, повторяя все изгибы и впадинки...

Комната, в которой находилась Алекса, была исполнена в готическом стиле: стреловидные окна, высокие потолки, мозаика на потолке с изображением библейских мотивов, но не в характерной для этого периода, цветовой гамме – комната была абсолютно белая, с режущей взор красно-черной мебелью и декором.

Она медленно приоткрыла глаза, сладко потянулась, словно котенок после крепкого сна, выгнула свой изящный стан, с губ сорвался легкий стон. Шелк заскользил по ее телу, заигрывая и все больше открывая солнцу ее белоснежную кожу. Мысли уносили ее далеко от своего пентхауса в центре Манхэттена, уносили, несли ее к нему. О боже, как же она хотела очутиться сейчас рядом с ним, ощутить его сильные руки на своей талии, вдохнуть аромат его тела, посмотреть в его пронизательные черные глаза и утонуть в их глубине. Желала, чтобы снова ее захватило то глубинное чувство, где-то на уровне подсознания, чтобы кружилась голова от нахлынувшей страсти, дыхание становилось прерывистым, а сердце бешено колотилось и готово было вырваться из груди. Но... Да, сейчас как никогда, это «Но» стало непреодолимой стеной между ними. Алекса уже знала, когда он докурит, она скажет ему: «что больше ничего не будет!», а у самой стекают слезы из голубых, красивых глаз. Она будет жалеть об этом, ведь в ее жизни с ним, это последнее лето...

Алекса еще раз сладко потянулась и встала с кровати, ступни ощутили прохладу белого паркета, кожа ее ног почти слилась бы с поверхностью пола, если бы не ярко-красный лак на ногтях. Скрип пола сопровождал путь до ванной комнаты... Капли теплой воды захлестали по ее лицу, по плечам, груди, было немного щекотно, тепло сразу окутало в нежные объятия все тело. Разбиваясь, капли рождали еще больше капель меньшего диаметра, она закрыла глаза, было приятно, нега распространялась по всему телу. Пар растворил в себе ванную комнату. Алекса выключила душ, капли медленно стекали по телу, летели вниз, создавая глухое и тихое эхо при падении. Было свежо и хорошо, душа пела, хотелось расправить воображаемые крылья и летать. Она подошла к зеркалу, размашистым движением руки вытерла испарину с идеально гладкой поверхности...

Ее зрачки резко расширились, девушка вздрогнула от неожиданности, тревожное напряжение и страх сразу же повисли в воздухе. Из зеркала на нее из-за спины смотрели большие, серые, холодные, недобрые глаза и не менее холодное, черное дуло «Desert Eagle» в руках киллера. Алекса не без труда, справившись с внутренней дрожью и чувством самосохранения, взяла себя в руки. «Пришел, ну, вот и все!» – подумала она, ни один мускул не дрогнул на ее прекрасном лице. «Жаль только, что не успела сказать, Рону: Как сильно его люблю!» – промелькнуло у нее в голове.

На минуту сметанообразная, тягучая тишина повисла в ванне, казалось, она длилась вечно. Они смотрели друг другу в глаза. Время замерло, звук медленно падающих капель, гулким и противным эхом резонировал в ушах. Губы киллера искривились в надменной усмешке, почти издав деревянный скрип, его глаза сузились и превратились в две маленькие щелочки.

Чувство превосходства, гипертрофированной самоуверенности и удовлетворенности просто переполняли его, он даже не пытался скрывать это. Палец плавно спустил спусковой крючок, в ответ на это пистолет огрызнулся громогласным выстрелом, выплюнув невероятной мощи свинцовую смерть. Рука киллера, увлекаемая мощной отдачей пистолета, немного дернулась по диагонали вверх.

Брызги крови, красной росой окропили потрескавшееся зеркало, в котором образовалась черная, дымящаяся отверстие и превратив зеркало в замысловатую паутину. Минуту назад еще молодое и живое тело теперь бездыханным пластом рухнуло на мраморный пол, издав глухой звук, падающего предмета. В затылке девушки зияла огромная, черная дыра, лицо отсутствовало, на его место было безобразное месиво из фрагментов костей, мышц лица и кожи. Кровь, пульсируя, вытекала из смертельной раны и медленно растекалась липкой, алой лужей вокруг тела на белоснежном мраморе. Прозвучал еще один выстрел, «Desert Eagle», с охотой, подчиняясь приказам своего господина, выплюнул еще одну порцию свинца в уже мертвое тело. Тело Алексы в последний раз дернулось, но уже скорее не от боли, и не от смерти, которую нес в себе этот горячий кусок свинца – она почти сразу умерла, когда первая пуля разорвала ей затылок и, насквозь пройдя через всю толщу серого вещества головного мозга, вылетела в зеркало.

Киллер еще раз лениво, пренебрежительно и почти зевая, посмотрел на бездыханное и обезображенное несущей смерть пороховой энергией тело. Он скучал, его лицо не выражало абсолютно ничего в этот момент, он не испытывал ни угрызения совести, ни жалости, он просто делал свою работу, то, что умел лучше всего – убивать! Этому человеку было абсолютно все равно, кого убивать, лишь бы за это платили. А если это были люди, имеющие определенно высший социальный статус, так называемые «Lux или VIP класс», у которых были дорогие квартиры, особняки, яхты, машины, счета в элитных банках Европы, то тогда он делал это с особым чувством удовлетворения, морально жалкого существа с детскими психологическими травмами и невротами.

Киллер смачно, с отвращением сплюнул на труп и резко развернулся, и было собирался выходить из ванной комнаты, как прямо в лоб ему уперся хищный ствол «Береты А-92» с глушителем. Он подавился слюной и чуть не задохнулся, поперхнувшись от такого «сюрприза», анальный сфинктер его сжался, не давая газам выйти наружу. На самом деле этот киллер был еще и конченым трусом. Прозвучал тихий треск, пуля, выпущенная с такого близкого расстояния, врезалась аккуратно между глаз, словно в масло, без особой нагрузки и сопротивления. На лбу образовалась аккуратная черная дырочка, обрамленная кровью и копотью, продукты горения пороха. Затылка практически не было, маленькая пуля 9-миллиметрового размера вынесла, увлекая за своим уже бессмысленным полетом, сегмент затылочной кости. Тело не слушалось, он выпучил удивленные глаза, падая, и издал громкий, протяжный звук выпущенного метана из своих штанов. В последние секунды жизни киллер не мог понять, как это могло произойти?! Он рухнул рядом с окровавленным, уже остывающим трупом девушки, в его остекленевшие глаза смотрела та, которую он сам убил десять минут назад из собственного пистолета, произведя два точных выстрела!

Мысли летели в голове Алексы со скоростью света, терзали и без того израненную душу, она находилась в смятении – «Они меня не оставят в покое, пока я жива! И не надо тешить себя хрупкими, тающими на глазах, надеждами. А так хочется верить, что все еще может измениться!.. Все хватит! Я больше не могу терзать себя!.. Я не могу и не имею права рисковать жизнью Рона! Сегодня они не смогли отличить клона от меня, а завтра...» – слова путались в голове, к горлу подступил ком, глаза наполнились слезами – «А что завтра?! Я не знаю, но есть сегодня! И сегодня я в последний раз увижу Рона!». Потом темнота и провал в памяти. Когда она очнулась в своей кровати, рядом лежала записка: «Алекса, я не люблю тебя! Прости! Рон.». В душу закрался страх, по спине пробежал холодок, а сердце запнулось. Она не могла ничего понять, ее левая рука в области локтевого сустава была залеплена повязкой...

Белая AUDI R8 с ослепительно-белыми ксеноновыми фарами на 20-дюймовых титановых дисках и низкопрофильной резине, разрезая лужи, словно самурайский меч, мчалась по гладкому асфальту Уолл-Стрит. Шел дождь, а ведь с утра было такое нежное и теплое солнце. Алекса крепко сжимала перфорированный кожаный руль, приятный на ощупь, и странно смотрела вперед. Чувство неопределенности и неведения давило на сознание и кололо под ребрами. Стрелка спидометра маялась в районе 80 миль в час, двигатель пел в унисон педали акселератора, глубоким органным басом, заставляя прохожих оборачиваться на агрессивный рык спортивного мотора. Дворники работали без перерыва, энергично стряхивая с лобового стекла крупные капли. Боковым зрением улицы казались еще более серыми, небоскребы, затмевали небо, стеклянно-каменные великаны, манили к себе, обещая свет, приют и тепло. Люди, словно муравьи, сновали с мобильными телефонами и зонтами, кто без, каждый со своими мыслями, заботами, желаниями, страхами, потребностями. Алекса поймала себя на мысли, что ее никогда ничего не связывало с этой серой, хаотичной массой, а попытки слиться были тщетными... Шум, усиливающегося дождя, пробивался сквозь звук мчащейся машины, в салоне играл Вагнер «Полет Валькирий», было немного грустно. Она пролетела мимо знаменитой статуи быка на Уолл-Стрит, правая рука резка рванула на себя ручной тормоз, левая стала выкручивать руль, правая нога по-прежнему давила на газ. Навыки экстремального вождения сохранились на уровне глубинных рефлексов. Тормозные колодки намертво сжали диски, от резкой, нешуточной перегрузки, резина на мокром асфальте взревела, оставляя за собой горячий след. Машина сорвалась в занос и боком вошла в поворот на 5-авеню, образуя водяную стену из брызг. Педаль акселератора резко в пол, и железный белый хищник с раскосыми глазами, вильнув задней осью, послушно метнулся вперед, вдавливая в кресло девушку. Где-то позади осталась Нью-Йоркская фондовая биржа, Эмпайр-стейт-билдинг, на месте бывших двух башен-близнецов, стертых с лица Земли в 2001, виднелись два новых стеклянных небоскреба, упершиеся острыми пиками в свинцовое, дождливое небо. Впереди виднелся бруклинский мост, белая стрела мчала Алексу навстречу к этому исполину. Въехав на мост, она оказалась будто в заколдованном лесу из многих миль стальных канатов, вдруг выросшем на высоте 20-этажного дома. С верхней точки моста можно было увидеть не только сразу три городских ансамбля – Нижнего Манхэттена, Мидтауна и Бруклина, – но и Губернаторский остров, статую Свободы и часть Нью-Йоркской бухты...

Она остановилась, выбежала из машины, даже не заглушив двигатель. Ксеноновый свет проводил убегающую Алексу до подъезда, неприятное ощущение чего-то близящегося так и не покидало ее. На душе скребли кошки, а внутри спазмами сокращался кишечник и желудок. Чувство тревоги витало в воздухе и пропитало все вокруг. Она зашла в лифт и нажала на 23. Двери растворились, в ноздри ворвался неприятный, но знакомый, смешанный запах. Алекса с ужасом для себя осознала, это был запах пороха и крови. Пульс участился, сердце забилося намного быстрее, зрачки сузились, превратившись в голубые точки. Она рефлекторно сглотнула тягучую слюну и облизнула пересохшие от волнения губы. Алекса стояла напротив двери Рона в нервном смятении, ее губы задрожали, руки потянулись к двери. Дверь была искорежена, обуглена и приоткрыта...

Эпилог.

Стояла осень, и, не смотря на это, в Токио стояла жаркая погода, правда вечером и ночью осень давала о себе знать, снижением температуры воздуха и легкой прохладой. У Алексы было почти два часа свободного времени, и она решила провести время в саду Коисикава Коракуэн, расположившийся почти в центре города недалеко от парка аттракционов Токио Дом. Многие сады в Японии носят название «Коракуэн», что означает «сад удовольствия». В центре сада устроен живописный пруд, посреди которого воссоздан остров Хорай, засаженный соснами. Просто невозможно отвести глаз от изумительных берегов водоема, окаймленных причудливыми камнями и буйной растительностью. Обращает, несомненно, на себя ярко крас-

ный мостик Цукенке, контрастирующий с окружающими зелеными и коричневыми тонами. Он воссоздает известный мост в Киото. Осень окутала сад в кровавые цвета момидзи. Сколько бы раз она не посещала этот сад, каждый раз он радовал взор и дарил душе спокойствие и умиротворенность.

Впервые с Роном Алекса повстречалась на выставке новых разработок в области применения нанотехнологий в медицинской отрасли, в Японии. Там она пыталась найти профессора Хако, который должен был дать ответ на самый важный для нее вопрос – « сколько еще у нее есть времени?».

Рон был молодым и талантливым нейрохирургом, выпускник Хьюстонского медицинского института. Нередко место рождения и социальное окружение определяют последующий выбор профессии и создают свое, отличное от других, мировоззрение. Так же произошло с Роном, он родился, и все свое детство вплоть до 18 лет провел в Южном Бронксе. Трудно описать Нью-Йоркский Южный Бронкс без того, чтобы не использовать клише: "худшая трущоба Америки", "воплощение всего самого худшего, что есть в городе", "город отчаяния", "гетто", "пятно", "рак на теле общества". В 1980, во время предвыборной кампании, Рональд Рейган сравнивал Бронкс с немецким городом Дрезденом, разрушенным бомбардировками во время Второй Мировой Войны. Сознание того, насколько беден, криминален и заражен наркотиками этот район просто может вызвать отвращение и моральный шок. Многие жители Южного Бронкса, площадь которого всего двадцать квадратных миль, называют свой район просто "Вьетнамом". Южный Бронкс – это вероятно последнее место в мире, где человек желал бы жить. Жизнь здесь кипела совсем по-другому, благодаря определенным специям из самых низших человеческих качеств: коварности, предательстве, зависти, подлости, животной ярости на остальной мир и обильно посыпанная порохом, кровью, насилием, наркотиками, смертью. Рон, как и все жившие здесь, не мог не впитать все это с молоком матери вместе с общечеловеческими моралью и ценностями. Отец Рона умер, когда мальчику было всего 5 лет. Это произошло у него на глазах. Из проезжающего Кадиллака высунулся короткий ствол израильского «Узи», короткая очередь и окровавленный и смертельно раненный отец Рона рухнул на лужайку возле дома. Позже, полицейские, прибывшие на место преступления, выдвинули версию – банальная разборка враждующих группировок. Маленький Рон умер в тот же вечер, утром открыл глаза уже повзрослевший Рон. Мать Рона была обычной посудомойщицей, работающей в баре неподалеку. Заработок был настолько смешным, что ей приходилось находиться там целыми днями, чтобы хоть как-то прокормить своего ребенка. Он учился очень хорошо и прилежно, тяга к знаниям была его страстью, так как другого пути вырваться из этой разлагающей трясины не было. Но между тем он состоял в уличной банде со всеми вытекающими последствиями: оружие, разборки, марихуана, аресты. Ведь будь обыкновенным «ботаником», он просто бы не выжил в «черном» квартале. Благодаря этому, Рон представлял собой непростого человека с очень тонкой организацией и богатым внутренним миром, закованного от окружающего хаоса и безнравственности в защитную кремниевую оболочку. Возможно, это было единственное решение на пути к самопознанию. И только будучи студентом 4 курса медицинского института, в возрасте 21 года он пересмотрел свои агрессивные и недоверчивые взгляды на жизнь, свое мировоззрение. Он открылся социуму в полной мере, пропуская в себя и отдавая обратно энергию взаимоотношений... Рон завел много новых знакомых, стал активно участвовать в студенческой жизни своего университета. И даже стал лучшим студентом года. Он радовался и загорался как ребенок, ведь сейчас он имел то, в чем нуждался долгие годы – живого и доброжелательного общения! А еще... Рон влюбился! Он порхал на крыльях любви, и даже не замечал, когда опускалось и вставало солнце. Он просто жил и наслаждался жизнью! Эта девушка училась в параллельной с ним группе. Через определенное время они расстанутся и продолжат отношения в качестве близких друзей. Рон будет остро переживать эту ситуацию, внутри себя, в гордом одиночестве, и почти опять окупнется в мир страданий и отчуждения. Но

в какой-то момент, он поймет – наступит просветление, что их отношения просто переросли себя и они выбрали самый верный путь – остаться друзьями! А в памяти останется все только самое светлое, чистое и доброе. И снова его захлестнет жажда к знаниям, ко всему новому и неизведанному и снова он со страстью кинется в бурлящее море своей новой жизни! Рон приедет в родной Нью-Йорк, но уже в отдельную квартиру, пусть будет не совсем в ту, что хотелось, но в свою маленькую крепость.

Рон приехал в Токио ради одной заветной мечты – утоления жажды знаний, ведь об этой выставке говорила вся ученая элита мира еще за год до официального открытия. Это был действительно прорыв, как в медицине, так и в самих нанотехнологиях применяемых в ней. Ученые достигли таких высот в этой области, что теперь с помощью микроскопических наноорганизмов могут не только бороться с атеросклерозом сосудов и менее травматично удалять опухоли, но уже и моделировать части тела, создавая, таким образом, симбиоз человека и наноорганизмов.

Алекса заметила профессора Хако возле одного из многочисленных стендов, стоявших на выставке. Профессор Хако был типичным японцем – безупречно учтивый, галантный, гордый и самое главное неспешащий никуда, он контролировал время и ситуацию, а не они его. Строгий черный костюм, белая сорочка, черный галстук, иссиня черные волосы с проблесками благородной седины, небольшого роста, с карими, живыми глазами и не менее бодрой осанкой. Его взгляд будто пронизывал насквозь, словно рентгеновский луч, профессор имел добрую, естественную улыбку, обрамленную возрастными, но не глубокими морщинами. Ему было 54 года. Алекса улыбнулась в знак приветствия, профессор Хако поклонился в ответ. Оставалось несколько метров, как неожиданно откуда-то из очередного стенда, как вихрь, вылетел молодой человек с проспектами, листовками и какими-то бумагами в руках. Он встал между Алексой и профессором непреодолимой живой стеной, и сразу же начал извиняться перед профессором Хако, уводя его в сторону от стенда. Алекса остановилась в недоумении.

Парню на вид было лет 25-27, Алекса была немного старше Рона, среднего роста, спортивного телосложения. Темные волосы, образовывали на голове творческий беспорядок, открывая взору высокий лоб. Тонкий нос и большие, пронизательные, черные глаза, свидетельствовали о присутствии восточной крови. Густые, черные брови подчеркивали правильные черты лица и добавляли определенный шарм во взгляде. Пухлые губы расходились в легкой улыбке. Он был одет в потертые темно синие джинсы, в белой футболке с провокационной надписью «Good girls go to heaven, bad girls go to Ibiza», черная, кожаная, короткая куртка облегла торс и подчеркивала широкие плечи и узкий таз. На ногах были черные кеды-кроссовки «Jordans». Это был Рон.

«Наглый хам!», – немного раздраженно подумала Алекса, нахмутив брови, и в ту же секунду отметила: «Но довольно милый и симпатичный! Но все равно хам!». Ее стали забавлять эти противоречивые мысли к этому незнакомому человеку, она невольно засмеялась и так звонко, что окружающие, в том числе профессор Хако и Рон обернулись. Алекса поймала на себе их взгляды и немного смутилась, появился легкий, нежный румянец на белоснежной коже. Она быстро поборолла свое смятение и решительно шагнула навстречу профессору и Рону.

«Профессор Хако, добрый день, я хочу извиниться за...» – Алекса не успела закончить фразу, ее перебил профессор, взяв за руку. «Дорогая моя Алекса» – слова звучали очень тепло, почти по-отечески, «Мы так давно с Вами не говорили! У меня есть для Вас новость!». Все это время Рон, удивленно смотревший на Алексу и профессора, демонстративно и почти театрально закашлял, показывая тем самым, что он еще здесь, рядом с ними и вообще-то не собирается уходить. Профессор повернулся в пол оборота к Рону и представил его Алексе: «Рон это Алекса. Алекса это Рон, молодой и очень перспективный хирург, кстати, мы сейчас вместе работаем над проектом, который, уверен, Вас заинтересует!». «Очень приятно» – сказала она, улыбнувшись и слегка наклонив голову. Только теперь она смогла более детально рассмотреть

его глаза, они были не просто темные, и ей не показалось, глаза были абсолютно черными, без намека на любой другой цвет или оттенок. «Странно, они красивые и завораживающие, но в то же время пугающие», подумала Алекса. Она поняла почему. У глаз Рона не было зрачков, вернее они были, но они были такими же черными, как и радужная оболочка, сливаясь, образовывали, таким образом, большие черные круги на белом фоне глазного яблока. «Полон взаимности» – игриво ответил Рон, едва заметно улыбнувшись и смотря в глаза Алексе. Он смотрел долго, перешагнув все мыслимые и немыслимые временные контексты этикета, как будто пытался понять скрытую грусть в ее глазах. Она смотрела в его глаза, не способная оторваться. Между людьми возникла неловкая пауза. Прервал этой эфирный процесс телепатии и обмена энергиями, профессор Хако. «Пойдемте, молодые люди, думаю, нам есть о чем поговорить», торопливо проговорил профессор, подхватил Рона и Алексу под руки, и добавил – «Есть, но здесь», он бегло огляделся по сторонам, и в чем-то убедившись, зашагал к направлению выхода, увлекая за собой молодых людей.

Они быстро покинули выставочное помещение и поспешили по лестнице вниз. Там стоя возле черного полностью тонированного Мерседеса S-class, их ожидал крупный скалоподобный, высокого роста, с бычьей шеей и просто огромными руками водитель-телохранитель профессора. Он был одет в черный костюм, и белую рубашку с черным галстуком. В черных солнцезащитных очках. Водитель почтительно поклонился, молча открыл заднюю, а затем и переднюю дверь. Все происходило молча, без лишних слов. Рон сел на переднее сиденье, уступив место девушке. Все утонуло в роскошных с перфорированной красной кожей капитанских креслах. Машина тронулась, в считанные секунды, набрав скорость в 100 километров в час, не смотря на, почти две тонны бронированной стали и несколько сот килограммов бронированного стекла. Машина неслась плавно и надежно, без резких виляний по асфальту. Обгоняя по дороге менее быстро движущиеся транспортные средства. Они ехали в лабораторию. Все молча смотрели на профессора. В этой повисшей тишине было что-то интригующее и не менее пугающее, но она становилась вязкой и тяжелой.

Почти за 3000 метров от движущегося черного Мерседеса на крыше небоскреба, человек в белоснежном костюме, стоя на одном колене, прильнул к окуляру оптического прицела мощной крупнокалиберной снайперской винтовки. Расстояние сокращалось, они ехали ему навстречу. Он был раздражен, через тонированные стекла автомобиля, он ничего не видел. Наемник сжал зубы с такой злостью и силой, что они издали характерный хруст дробящейся эмали. «Я открываю огонь!», коротко, по-японски, рывкнул он в гарнитуру мобильного телефона, висевшую у него на ухе. Тут же наугад, предполагая и проецируя в Мерседесе место водителя, человек в белом сделал два выстрела. Компенсатор, на конце ствола, давясь от чудовищной, распирающей энергии с трудом поглотил пороховые газы, слегка качнув ствол вверх. Свинцовые стрелы с вольфрамовыми наконечниками рванулись к своей цели, опережая скорость звука в разы. Тяжелые гильзы зазвякали по бетонному покрытию крыши. Он громко и очень эмоционально ругнулся, Мерседес продолжал свое движение, даже не изменив своей траектории. Его правый глаз снова прилип к оптическому прицелу. Невероятно! Вольфрамовые пули застряли в лобовом стекле, даже не пробив его! Внутри мозга что-то треснуло и оборвалось, человек в белом в бешенстве схватив винтовку, стал что есть силы бить ею по крыше. Разломав оружие, он несколько успокоился, слюни все еще пузырились в уголках рта. «Они продолжают движение...Я их не смог остановить!» – виновато и раздосадовано отчитался он по телефону. «Плохо, очень плохо...» – сухим и тихим, почти безэмоциональным голосом ответили ему на том конце провода. Сразу же после этих слов сотовый телефон в руках человека в белом мгновенно нагрелся и взорвался, заляпав идеально белый костюм ошметками мозгового вещества и кровью. На крыше рядом с винтовкой, в увеличивающемся пятне крови осталось валяться туловище без головы.

На лобовом стекле прямо напротив головы водителя, с глухим треском, образовались два свинцовых пятна с более темными участками в центре. Вторая пуля застряла в бронированном стекле глубже, пробив 4 слоя из 7. Телохранитель даже для приличия не дернул головой и не моргнул, казалось, он даже не заметил, как одна за другой, две пули с характерным треском впились в лобовое стекло. Он просто знал характеристики этого стекла и знал, что пробить его можно только из гранатомета. Водитель продолжал вести автомобиль в заданную точку. Скорее это был даже не совсем человек, ведь в нем уже не было ни одного инстинкта самосохранения. Его работа заключалась в сохранении жизни хозяина, пусть даже ценой своей. А при отсутствии хладнокровности и стальных нервов это сделать невероятно сложно и практически не возможно. Работу он свою знал на 100%, а делал на 200.

Рон шархнулся от лобового стекла, почти слетев с кресла вниз. «Твою мать! Что это такое?» – истошно заорал он, пригибая и опасливо поворачивая голову в сторону профессора и Алексы. Его трясло, глаза раскрылись так, что чуть не вывалились из орбит. Это была нормальная реакция – животный инстинкт самосохранения, страх! Сколько бы ты не жил в Южном Бронксе, да хоть на военном полигоне, не возможно привыкнуть, когда в тебя стреляют. Алекса внутренне напряглась, было видно, как сузились ее зрачки, и побледнели скулы. Она растерянно посмотрела на профессора. Профессор Хако, будто-то бы не обращая внимания на удивленных и испуганных молодых людей, обратился к водителю, возбужденно отрезав: «Мы должны доехать до лаборатории, во что бы то не стало!». Профессор внешне выглядел вполне спокойным, даже больше уставшим и подавленным. Нет, он совсем не боялся смерти, возможно, он даже сам порой заглядывал в ее страшное, коварное и костлявое лицо! Он боялся за людей, которые находились рядом с ним. Мысли унесли профессора Хако в 2000-й год, когда при трагических обстоятельствах погибли его жена и дочь – Амэя... Заведенная машина, в которую сели дочь и жена Хако, взлетела в считанные секунды на воздух, благодаря мощному радиоуправляемому взрывному устройству. Образовавшаяся чудовищная ударная волна выбила все стекла в доме профессора, заставив колыхнуться фундамент. А ведь должен был погибнуть именно он – Хако! Амэя в этот день решила сама сесть за руль отцовского автомобиля. Хако же в этот день освободил телохранителя-водителя от его привычных обязанностей – охраны и вождения. Семья профессора собирались на пикник... Он как раз выходил из дома, когда раздался оглушительный взрыв. Яркая вспышка света ослепила глаза, ударная волна отбросила Хако вместе с искореженными обломками машины на 10 метров назад. Он потерял сознание. Очнувшись, профессор с ужасом увидел догорающие обломки автомобиля и обуглившиеся трупы жены и дочери. Слезы горести и утраты наполняли его душу и лились из глаз, откуда-то из груди вырвался истошный, беспомощный и бессмысленный крик, в отчаянии Хако бил кулаками по бетонному покрытию разбивая руки в кровь. На мгновение разум покинул профессора, и он почти сошел с ума. Он простоял на коленях, возле остывшей груды металла почти до вечера, воспаленные красные глаза, почти не моргая, смотрели куда-то вдаль. Соленые слезы за один день осушили и превратили его душу в безжизненную пустыню. И даже прибывший спустя час после взрыва телохранитель не смел, поднять своего хозяина с колен. Прошло 10 лет.

Черный Мерседес подъезжал к закрытым, стальным и стерильно белым воротам, они начали открываться. Машина на большой скорости промчалась в полуоткрытый проем, резко затормозила возле здания лаборатории, оставляя следы протекторов на каменной плитке. Все пассажиры спешно покинули безопасно уютный салон и направились к входу в лабораторию. Первым вбежал в помещение водитель-телохранитель, окинув все пространства профессиональным зорким взглядом на предмет даже малейшей опасности и убедившись в отсутствии оной, махнул рукой остальным. Профессор Хако быстро прошел в свой кабинет, свет горел здесь круглосуточно. Алекса и Рон вошли вслед за профессором. Телохранитель остался стоять снаружи. Кабинет был просторным, если не сказать огромным. У Рона на лице появилось

неподдельное удивление, глаза вспыхнули от увиденного. Мотая головой в разные стороны, он, запинаясь, выпалил, голос от восхищения почти взял верхние октавы: «Профессор Хако, да у Вас тут целая обсерватория! Уверен, что многие выдающиеся научные работы в области нанотехнологий были сделаны именно здесь! ». И действительно, лаборатория представляла собой белоснежную, слепящую глаза, большую комнату, в которой находились порядка 10 ультраплоских жидкокристаллических мониторов с многоядерными процессорами, новейшая медицинская аппаратура, установки из квантовой физики, ускорители элементарных частиц, множество колб и электронных микроскопов. На мониторах разворачивались графики, просчитывались формулы, шло копирование и архивирование информации, и снова построение различных схем, набор букв и цифр, все эти терабайты информации затем преобразовывались в полноцветные картинки частей тела человека в трехмерном пространстве. Внимание молодых людей привлекла виртуальная интерфейсная система с искусственным интеллектом, проецирующая в центр комнаты образ молодой девушки. Она вежливо поприветствовала посетителей, приятным, но бесчувственным голосом. Рон совсем потерял дар речи и замер. Из состояния ступора его вывел профессор: «Это виртуальный ассистент с искусственным интеллектом – «Амико». Потом я познакомлю Вас с ним более детально. А сейчас, Рон, мне нужна Ваша помощь!», торопливо произнес он. И уже поворачиваясь к Алексе и указывая на далекое подопье кресла, с каким-то еле заметным отчаянием и чувством безысходности, сказал: «Прошу Вас, Алекса, раздевайтесь, садитесь и располагайтесь удобнее. Попытайтесь расслабиться и не бойтесь. Будет немного больно, но по-другому мы не сможем Вам помочь». И немного помолчав, тихо добавил уже куда-то в пол: «Да и самим себе...».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.